

ЛЕКЦИЯ 8

Мы приступаем к самой главной части Божественной литургии. Эта часть называется анафора; это греческое слово переводится как "возношение".

Как я уже говорил, анафора — это самая древняя часть литургии, которая дошла до нас в памятниках письменности древнехристианской церкви. Хотя дошедшие до нас свидетельства относятся в основном к 8 веку, но есть разные научные основания считать, что анафора восходит к самим авторам, которые нам известны. Нам известны несколько авторов, самые главные две анафоры — Василия Великого и Иоанна Златоустого — совершаются обычно в православной церкви.

Как вы помните по прошлой лекции, анафоре предшествует исповедание веры, когда весь храм поет Символ веры, а священники в это время, поцеловав друг друга в плечо и в руку, говорят: "Христос посреди нас, и есть и будет". Затем они берут воздух, то есть большой покровец, который лежит на чаше и на дискосе (а другие маленькие покровцы уже сняты после великого входа), и этот воздух поднимают и веют им над чашей и дискосом, в то время как весь храм поет Символ веры.

После этого дьякон на амвоне провозглашает: "Станем добре, станем со страхом, вонмем, Святое Возношение в мире приносить". Это есть возглас, который призывает нас к особенно внимательной молитве. "Станем добре" — то есть, станем особенно сосредоточенно и внимательно молиться, и не только молиться, но и Святое Возношение, то есть анафору, в мире приносить, то есть совершать анафору. И хор отвечает всем вам известным песнопением: "Милость мира, Жертву хваления".

Уже здесь вы видите, что хор продолжает слова дьякона. Он говорит: "Станем... Святое Возношение в мире приносить", и слова хора — это продолжение: "Милость мира, Жертву хваления" вот что мы приносим.

Затем следует возглас священника: "Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любви Бога и Отца, и причастие Святаго Духа, буди со всеми вами". Хор отвечает: "И со духом твоим". Священник, воздевая руки, возглашает: "Горе имеим сердца" — то есть, небу обратим свои сердца. "Горе" буквально — "кверху". Хор отвечает: "Имамы ко Господу", то есть, имеем уже наши сердца обращенными ко Господу. И священник возглашает: "Благодарим Господа". На что хор поет всем нам хорошо известную песню: "Достойно и праведно есть, поклоняться Отцу и Сыну и Святому Духу, Троице Единосущней и Нераздельней".

Здесь я прервусь, не буду читать дальше текст анафоры, а скажу, что все молитвы, которые читает священник во время анафоры, возгласы, которые он произносит вслух, те слова, которые поет хор, — все это составляет одну непрерывную цельную молитву. Все эти части молитвы, которые, как я сказал, произносят то священник, то хор, они продолжают друг друга непрерывно, и поэтому нужно обязательно суметь воспринять всю эту молитву целиком.

К сожалению, как мы уже говорили, главная часть этой молитвы произносится священником тайно, то есть не секретно, а просто тихо, про себя, в алтаре, и люди, стоящие в храме, не слышат этих молитв. Поэтому им кажется, что анафора — это только то, что поет хор. А хор поет очень мало. Довольно длинно, но очень мало.

Для того чтобы понимать, что происходит в это время в ал

— 2 таре, в церкви, как совершается таинство Божественной евхаристии, нужно обязательно почувствовать всю анафору целиком, и не только почувствовать, но воспринять сердцем, запомнить, как следует понять ее. Есть традиция западного богословия — разделять анафору на части для того, чтобы лучше исследовать ее, лучше осмыслить и запомнить. Это обычный научный подход, когда дифференцируют, разделяют на маленькие части изучаемый предмет. И мы тоже с вами проследим эту обычную традицию, этот обычный подход. Но прежде я прочитаю вам анафору целиком, всю подряд, не останавливаясь, не говоря, где поет хор, а где говорит священник, тем более что, я думаю, вы знаете достаточно хорошо литургию и легко поймете, где голос священника, а где пение хора.

"ИЕРЕИ: Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любви Бога и Отца, и причастие Святаго Духа, буди со всеми вами.

ХОР: И со духом твоим.

ИЕРЕИ: Горе имеим сердца.

ХОР: Имамы ко Господу.

ИЕРЕИ: Благодарим Господа".

Это диалог. Дальше начинается молитва.

"ХОР: Достойно и праведно есть поклоняться Отцу и Сыну и Святому Духу, Троице Единосущней и Нераздельней.

ИЕРЕИ: Достойно и праведно Тя пети, Тя благословити, Тя хвалити, Тя благодарити, Тебе поклоняться на всяком месте владычества Твоего. Ты бо еси Бог Неизреченен, Неизвестен, Невидим, Непостижим, присно Сый, такожде Сый, Ты, и Единородный Твой Сын, И Дух Твой Святыи. Ты от небытия в бытие

нас привел еси, и отпадшия возставил еси паки и не отступил еси, вся творя, дондеже нас на Небо возвел еси и Царство Твое даровал еси будущее.

О сих всех благодарим Тя, и Единороднаго Твоего Сына, и Духа Твоего Святого о всех, ихже вемы и ихже не вемы, явленных и неявленных благодеяниях, бывших на нас. Благодарим Тя и о службе сей, юже от рук наших прияты изволил еси, аще и предстоят Тебе тысящи Архангелов и тмы Ангелов, Херувими и Серафими, шестокрилатии многоочитии, возвышающиися пернатии.

Победную песнь поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще:

ХОР: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф, исполнь Небо и земля славы Твоея; осанна в вышних, благословен Грядый во Имя Господне, осанна в вышних.

ИЕРЕИ: С сими и мы блаженными Силами, Владыко Человеколюбче, вопием и глаголем: Свят еси и Пресвят, Ты, и Единородный Твой Сын, и Дух Твой Святой. Свят еси и Пресвят и великолепна слава Твоя; Иже мир Твой тако возлюбил еси, якоже Сына Твоего Единороднаго дати, да всяк веруяй в Него не погибнет, но имать Живот Вечный. Иже, пришед и все еже о нас смотрение исполнив, в ночь, в нюже предаешся, паче же Сам Себе предаеше за мирский живот, приемь хлеб во святыя Своя и пречистыя и непорочныя руки, благодарив и благословив, освятив, преломив, даде святым Своим учеником и апостолом, рек:

Приимите, ядите, Сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов.

ХОР: Аминь.

ИЕРЕИ: Подобне и Чашу по вечери, глаголя:

Пийте от нея вси, сия есть Кровь Моя Новаго Завета, яже за вы и за многи изливаемая во оставление грехов.

ХОР: Аминь.

ИЕРЕИ: Поминающе убо спасительную сию заповедь и вся, яже о нас бывшая: Крест, Гроб, тридневное Воскресение, на Небеса

— 3 восхождение, одесную седение, Второе и славное паки пришествие.

Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся.

ХОР: Тебе поем, Тебе благословим, Тебе благодарим, Господи, и молим Ти ся, Боже наш.

ИЕРЕИ: Еще приносим Ти словесную сию и безкровную службу, и просим, и молим, и мили ся деем, низпосли Духа Твоего Святаго на ны и на подлежащая Дары сия. И сотвори убо Хлеб сей Честное Тело Христа Твоего.

ДИАКОН: Аминь.

ИЕРЕИ: А еже в Чаши сей, Честную Кровь Христа Твоего.

ДИАКОН: АМИНЬ.

ИЕРЕИ: Преложив Духом Твоим Святым.

ДИАКОН: Аминь, аминь, аминь.

ИЕРЕИ: Якоже быти причащающимся, во трезвение души, во оставление грехов; в приобщение Святаго Твоего Духа, во исполнение Царствия Небеснаго, в дерзновение еже к Тебе, не в суд или во осуждение.

Еще приносим Ти словесную сию службу о иже в вере почивших праотцех, отцех, патриарсех, пророцех, апостолах, проповедницех, евангелистех, мученицех, исповедницех, воздержницех и о всяком душе праведнем, в вере скончавшемся.

Изрядно о Пресвятей, Пречистой, Препоблагословенней, Славней Владычице нашей Богородице и Приснодеве Марии.

ХОР: Достойно есть, яко воистинну блажити Тя, Богородицу, Присноблаженную и Пренепорочную и Матерь Бога нашего. Честнейшую Херувим и Славнейшую без сравнения Серафим, без исления Бога Слова рождшую, сущую Богородицу Тя величаем.

ИЕРЕИ: О святем Иоанне Пророце, Предтечи и Крестители, о святых славных и всехвальных Апостолах, о святем (имя), егоже и память совершаем, и о всех святых Твоих, ихже молитвами посети нас, Боже.

И помяни всех усопших о надежди воскресения Жизни Вечныя (имена). И упокой их, идеже присещает свет лица Твоего. Еще молим Тя, помяни, Господи, всякое епископство православных, право правящих слово Твоея истины, всякое пресвитерство, во Христе диаконство и всякий священнический чин.

Еще приносим Ти словесную сию службу о вселенней, о Святей, Соборней и Апостольстей Церкви, о иже в чистоте и честном жительстве пребывающих; о Богохранимем стране нашей, властех и воинстве ея. Дажь им, Господи, мирное правление, да и мы в тишине их тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте.

В первых помяни, Господи, Великаго Господина и Отца нашего Алексия, Святейшаго Патриарха Московскаго и всея Руси, и егоже даруй святей Твоей Церкви в мире, целых, честных, здравых, долгоденствующих, право правящих слово Твоея истины.

ХОР: И всех и вся.

ИЕРЕИ: Помяни, Господи, град сей, в немже живем, и всякий град и страну, и верою живущих в них. Помяни, Господи, плавающих, путешествующих, недугующих, страждущих, плененных, и спасение их. Помяни, Господи, плодоносящих и добротворящих во святых Твоих церквах и поминающих убогия и на вся ны милости Твоя низпосли (имена живых).

И даждь нам единими усты и едином сердцем славить и воспевати Пречестное и Великолепное Имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков.

ХОР: Аминь.

ИЕРЕИ: И да будут милости Великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа со всеми вами".

— 4 —

Вот видите, вот эта одна длинная молитва начинается словами: "Станем добре, станем со страхом, вондем, Святое Возношение в мире приносить. Милость мира, Жертву хваления". А кончается возгласом: "И да будут милости Великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа со всеми вами". Тут говорится о милости, что будем приносить Святое Возношение, Милость мира и Жертву хваления. А здесь, уже получив эту милость, священник говорит: "Да будут милости Великаго Бога... со всеми вами". Этот возглас как бы начинает следующую часть литургии — ее окончание, последнюю часть.

Анафора Василия Великого гораздо длиннее — наверное, раза в три длиннее, чем анафора Иоанна Златоустого. Именно потому, что наш народ не умеет, не готов воспринять эту молитву со слуха и участвовать в ней так, как должно, эта молитва ушла в алтарь, стала произноситься только священником в алтаре. Некоторые из вас, я предполагаю, может быть, испугались, что я тайные молитвы прочитал здесь вслух. Некоторые даже думают, что здесь какое-то есть кощунство. Это не так. Заранее предупреждаю вас, что никакого кощунства здесь нет, что молитвы эти напечатаны не только в служебнике, но и в богословских журналах, которые не запрещается читать никому, так что все вы, и мужчины, и женщины, можете взять их и прочитать, скажем, в богословских трудах Московской патриархии, в книгах, о которых мы с вами говорили. Потому что никогда церковь не делала никакого секрета из своих молитв. И в древности апостолы, а потом великие святители, и Василий Великий, и Иоанн Златоуст, и другие читали эти молитвы вслух всей церкви. Так что тайные молитвы — не значит секретные. Причина их тайного произнесения, то есть не вслух, а тихо в алтаре, только в том и состоит, что оказалось это непосильно для народа церковного, для народной массы — непосильно участвовать в них.

Молодые священники частенько, все это понимая, пробуют свои силы и пробуют читать эти молитвы вслух. Но крайне редко бывает этот опыт удачным. Обычно священник через некоторое время начинает чувствовать, что вот он старается, читает громко, а народ его как бы не слышит, не участвует с ним в молитве. И он понимает, что так он совершать литургию не может. Нельзя говорить о великом и святом, чтобы тебя не слушали. Ты к человеку взываешь: давай помолимся, "Станем добре, станем со страхом", а никто не становится "добре, со страхом" и не участвует в литургии, не молится. И эта причина, когда священник не может утащить этот воз на себе, не может включить в молитву всю паству, — эта причина и является главной для того, чтобы молитву не читать вслух. Когда священник как бы говорит: ну раз вы не можете, то стойте, молитесь как можете, а я пойду и в алтаре помолюсь сосредоточенно сам. Конечно, это потеря, и потеря очень большая. Конечно, не так должно быть.

Но что делать? Вот, например, когда у нас маленькие дети, мы не можем их заставить все молитвы прочитать внятно и со смыслом, они еще их не понимают. Но тем не менее мы с ними молимся. Мы их берем за ручку или на ручки и поем "Отче наш". Пока они не понимают, что это. Но сердцем они что-то чувствуют. И пение их привлекает, они как-то по-своему участвуют в молитве. Конечно, не в полную силу, как должен участвовать взрослый человек, но в свою детскую силу. Они молятся, и привыкают к молитве, и любят ее, и даже хотят молиться, и пытаются что-то петь. Вот наша народная масса и находится, если хотите, на таком детском уровне. Она не может вслед за священником все осмыслить, все понять, все произнести и участвовать

— 5 в молитвах. Поэтому церковь давно уже решила заменить чтение определенных молитв пением — очень умирительным, очень возвышенным, чистым, прекрасным пением.

Действительно, надо сказать, что нет ничего прекраснее анафоры. Правда, мы с вами очень часто теперь вынуждены слышать оперное пение, которое, конечно, анафоре не только никак не соответствует, а даже как бы противоположно ей и не дает людям почувствовать, что такое анафора, что такое литургия. Это пение крайне вредно. Но пение древнее, настоящее пение церковное изумительно красиво и помогает молиться.

И вот церковь решила говорить с народом этим языком языком образов, языком пения, языком церковного искусства. Потому что совместная молитва на самом деле оказалась недоходчивой.

Я уже говорил вам, что найдутся, конечно, такие ревностные священники и учителя церковные, которые объявят меня еретиком и скажут, что ни в каком случае нельзя отказываться от совместной

молитвы и неправильно я вас учу и что надо призывать всех читать все молитвы все-таки вслух, вернуться к прежнему. Я согласен: надо. И там, где это возможно, надо это сделать.

Вот, скажем, во время гонений, в катакомбах, когда священники и епископы служили в каких-то маленьких закутках, комнатках, они могли произносить эти молитвы вслух, потому что молящихся было немного и можно было включить всех предстоящих в одну молитву. А в больших храмах это не удастся. Когда народу мало, это легче, а когда много, это трудно.

Но, конечно, чем лучше мы будем понимать, чем лучше, полнее мы будем в этих молитвах участвовать, тем торжественнее и лучше будет совершаться Божественная литургия.

Так вот, как вы поняли, во время пения "Достойно и праведно есть" священник читает молитву: "Достойно и праведно Тя пети, Тя благословити, Тя хвалити, Тя благодарити, Тебе поклоняться на всяком месте владычества Твоего". Эта молитва благодарственная (часть анафоры) заключается возгласом священника: "Победную песнь поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще". Конечно, в церкви этот возглас звучит довольно странно. "Достойно и праведно... поклоняться Отцу и Сыну и Святому Духу, Троице Единосущней и Нераздельней" — и вдруг: "...поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще". Даже грамматической связи нет. Она есть в той тайной молитве, которую прочитал священник: "...аще и предстоят Тебе тысячи Архангелов и тмы Ангелов, Херувими и Серафими, шестокрилатии многоочитии, возвышающиися пернатии (здесь запятая), Победную песнь поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще". Это деепричастный оборот, который раскрывает смысл придаточного предложения. То есть, мы Тебя благодарим, благодарим Тя и о службе сей, которую Ты от рук наших прияи изволил еси, хотя и предстоят тебе архангелы и ангелы, поющие, вопиющие, взывающие и глаголющие. Вот какой здесь смысл. Но мы про архангелов и ангелов ничего не слышим, это священник читает про себя, а мы только этот возглас слышим. И, конечно, такое несоответствие, грамматическое даже, делает еще более непонятной литургию.

Эта молитва благодарственная, по имени которой называется и вся наша служба — евхаристия. Это и значит — благодарение. И все молитвы здесь носят характер благодарения. Вот это начало благодарения в латинской традиции называется словом "префацио".

После возгласа священника "Победную песнь поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще" хор продолжает: какую песнь ангелы поют,

— 6 и вопиют, и взывают. "Свят, Свят, Свят Господь Саваоф, исполнь Небо и земля славы Твоя, осанна в вышних, благословен Грядый во Имя Господне, осанна в вышних". Это всегда поют очень торжественно и длинно, и во время этого пения священник читает следующую часть анафоры: "Сими и мы блаженными Силами, Владыко Человеколюбче, вопием и глаголем: Свят еси и Пресвят, Ты, и Единородный Твой Сын, и Дух Твой Святыи. Свят еси и Пресвят и великолепна слава Твоя; Иже мир Твой тако возлюбил еси, якоже Сына Твоего Единороднаго дати, да всяк веруяи в Него не погибнет, но имать Живот Вечный".

Подумайте, какое возвышенное, какое удивительное богословие заложено в этих словах. Здесь исповедание нашего упования. С этими блаженными силами и мы вопием и глаголем: Свят еси и Пресвят, Ты, и Единородный Твой Сын, и Дух Твой Святыи. Свят и Пресвят и великолепна слава Твоя. Иже мир Твой тако возлюбил еси, что и Сына Твоего Единороднаго дати изволил, и всякий веруяи в Него не погибнет, но будет иметь живот вечный. "Иже, пришед и все еже о нас смотрение исполнив, в ночь, в нуже предаешися, паче же Сам Себе предаеше за мирский живот, приемь хлеб во святя Твоя и пречистыя и непорочныя руки, благодарив и благословив, освятив, преломив, даде святым Своим учеником и апостолом, рек:..." То есть, давая Своим ученикам и апостолам, сказал: "Приимите, ядите, Сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов".

Во время всей этой молитвы хор поет "Свят, Свят, Свят Господь Саваоф". Вы знаете, что у католиков есть название этой части молитвы — санктус, то есть "свят". По имени этой песни "Свят, Свят, Свят..." та часть анафоры, которую читает священник тайно, тоже называется "санктус".

Здесь следует тоже остановиться на одном весьма существенном рассуждении. Дело в том, что священник, говоря слова "Приимите, ядите, Сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов", указывает на Святой Агнец, который лежит на престоле, на дискосе, а в католической церкви не только указывает, но и благословляет. Поскольку молитва не слышна, то получается, что священник возглашает слова Христа от первого лица: "...Сие есть Тело Мое..." и указывает рукой на святой хлеб. Получается изображение Тайной Вечери, когда Христос сказал: "Приимите, ядите, Сие есть Тело Мое..." и указал на хлеб. И вот католики считают, что эти слова и являются так называемой сакраментальной формулой, тайносовершительными словами, что это главные слова, слова Христа. Более того, они учат, что в этот момент рука священника — это рука Самого Христа. В этот момент рука священника, благословляющая Агнец, как бы делается рукой Христа. Священник в этот момент является как бы заместителем Христа здесь, на земле. Это католическое учение, которое известно прежде всего в отношении папы римского, считающегося как бы наместником Христа на земле. Это учение в

отношении папы у нас отвергается, мы не считаем, что кто-либо на земле может быть наместником Христа. Но католики распространяют это учение и в отношении священника — правда, только на литургический момент.

Я был довольно сильно поражен, когда в этом году, готовясь к чтению курса пасторского богословия, взял конспекты лекций из Московской Духовной академии по пасторскому богословию и там нашел конспект лекций очень известного, досточтимого весьма ... Тихона, замечательного духовника и подвижника, который ушел в затвор, уехал из Лавры, но раньше он читал курс пасторского богословия. В его курсе, в предисловии к нему,

— 7 прямо так и говорится: папа — это наместник Христа на земле. Папа — это и есть тот самый человек, рука которого делается рукою Христа. То есть, иначе говоря, это есть католическое утверждение.

Это не удивительно, поскольку наше русское богословие до сих пор не освободилось от плена католицизма. Русское богословие имеет своей колыбелью Киево-Могилянскую академию, которая была, по существу, почти католической. Для того чтобы получить необходимых профессоров, преподавателей, Петр Могила, митрополит Киевский, посылал молодых людей в католические школы на Запад, а потом они там даже принимали католичество, чтобы их приняли учиться, а потом, выучившись в католической школе, они возвращались в Киев, снова переходили в православие и преподавали богословские дисциплины уже по-латыни. Конечно, они могли преподавать только то, что слышали в католической школе, но в самых очевидных местах перефразируя все это на православный лад и кое-где разоблачая католицизм и утверждая православие ... в Символе веры и несколько других таких мест они опровергали. А в принципе метод их мышления, система преподавания, весь строй богословия — все это оказалось в плену у католицизма, и на протяжении нескольких столетий с большей или меньшей силой все это жило в нашей православной духовной школе. Дух схоластики, который еще и до сих пор не покидает нашей семинарии, — это дух, идущий с Запада. Так что удивительного ничего нет в том, что даже в конспекте ... Тихона такие встречаются утверждения. Это нужно понимать, а не осуждать. Понадобится еще некоторое время, чтобы русское богословие наконец скинуло с себя оковы католического мышления. Но наш долг — быть очень внимательными, освободиться от католического влияния и возвращаться к древнему православному святоотеческому богословию чистому богословию, восточному богословию.

Даже читая наши тайные молитвы, мы легко можем убедиться в том, что ничего такого, что говорят католики, здесь нет, потому что слова "Приимите, ядите, Сие есть Тело Мое..." священник произносит от лица Христа, а не от своего собственного. В тексте молитвы как говорится: "Иже, пришед (то есть, Христос, который, пришедши) и все еже о нас смотрение исполнив, в ночь, в нюже предающеся, паче же Сам Себе предающе за мирский живот, приемь хлеб (то есть, принял хлеб) во святяя Своя пречистыя и непорочныя руки, благодарив и благословив, освятив, преломив, даде (дал) его святым Своим учеником и апостолом и сказал: "Приимите, ядите, Сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов". То есть, здесь священник просто говорит эти слова в качестве пересказа того, что сделал Христос. Он не говорит это от своего лица, а говорит, как сделал Христос на Тайной Вечери, поэтому нет оснований считать, что это говорится от первого лица.

Дальше хор поет "Аминь", а священник читает тайно: "Подобне и Чашу по вечери, глаголя". Опять-таки: подобне и Чашу в конце вечери, говоря (Христос благословил): "Пийте от нея вси, сия есть Кровь Моя Новаго Завета, яже за вы и за многи изливаемая во оставление грехов". И хор опять отвечает: "Аминь". И опять продолжение, и опять не от первого лица, а пересказываются слова Христа. Священник же указывает на Чашу.

Здесь, однако, нужно оговориться. Не все так просто все-таки, потому что хотя священник и не говорит от первого лица и не благословляет в этот момент Святые Дары, но он указывает — все-таки что-то делает от первого лица. А потом он будет и благословлять Святые Дары. Это значит, что его роль здесь — не просто роль рассказчика, и древняя традиция — не католическая, а православная — называет священника совершителем Божественной литургии. Но ведь мы одновременно говорим, что Ты еси и приносимый, и приносящий — вы помните, это молитва, которая читается в начале литургии верных, перед антифоном. Ты, Господи, и приносимый, и приносящий Святые Дары. И, конечно, мы говорим, что Святые Дары освящаются Богом, Духом Святым освящаются. И все молитвы об освящении Святых Даров возносятся к Богу-Отцу. Но, с другой стороны, священник совершает Божественную литургию. И тут весьма важно понять, что же, собственно, утверждает о литургии наше православное богословие. Оно говорит здесь не то, что священник делается в этот момент заместителем Христа или его рука делается рукою Христа. Но оно говорит, что священник в литургии в наибольшей степени являет образ Христа.

Скажу вам сразу, что богословие — это очень трудная и тонкая область, и вообще истина всегда очень тонко отличается от лжи, редко бывает так, чтобы ложь была грубой, совершенно очевидной, с каким-то

очевидным противопоставлением. Это бывает очень редко, потому что тогда никто этой лжи не поверит. Если, скажем, на белую доску сказать, что она черная, этому никто не поверит. А если сказать, что она не белая, а в рубчик, такая серенькая... Тут уже будет труднее спорить, может, она и на самом деле серенькая, а не беленькая? Тут уже нужно различать более осторожно все это.

Так вот, поэтому ложь всегда почти в жизни является в виде тонкого искажения, и отыскивать истину поэтому бывает особенно трудно. Именно в этих тонких моментах, где требуется особенно чистое сердце, особенно острая чувствительность — тут нужно приложить все свои силы, собрать все свое внимание и искать правильные формулировки. Так было всегда в церкви. Вы помните, как на Первом вселенском Соборе св.Афанасий Великий изменил всего одно слово: вместо "подобносущий" он сказал "единосущный", и получилась правильная формулировка догмата, хотя изменился один слог одного слова. И вот на этом уровне открывается истина. Все формулировки догматические найдены с огромным трудом, потому что истину познать, сформулировать очень трудно. Так и здесь: нужно понимать разницу между тем, чтобы быть заместителем Христа на земле, наместником Христа на земле или быть образом Христа на земле. Мы говорим, что священник это живой образ, живая икона, так и каждый человек есть образ и подобие Божие, а священник — это в особенности образ Христов. И этот образ более всего просветляется, является нам во время Божественной литургии. Так что действия священника, когда он указывает на хлеб и вино, когда он потом благословляет их, его молитва — все это здесь прообразует Христа. Это не значит, что рука священника стала рукою Христа. Нет, но образ здесь дается.

Как это еще почувствовать? Ну, если бы я вам сказал: вот фотография какого-то вашего близкого, родного или друга. И я вам говорю: видите, вот рука, на самом деле это живая рука, та самая. Это будет искажение. А если я скажу: смотрите, какая хорошая фотография, она дает нам образ, это не тот самый человек, но это очень хорошая фотография. Или хорошая очень икона. Эта икона помогает нам, она помогает обратиться к первообразу, она даже может нести в себе особенное благодатное присутствие, таинственное благодатное присутствие, как чудотворные иконы. Они несут в себе благодатный особенный дар, конечно. Но как только мы скажем, что чудотворная икона — это и есть Божия Ма

— 9 терь, то мы сразу делаемся язычниками, сразу же преступаем заповедь: не сотвори себе кумира и не поклоняйся никакому кумиру. Тут уже икона перестает быть иконой, а делается кумиром. И надо сказать, что в русском народе это часто так и бывает. Потому что эти тонкие моменты народ часто упускает из виду и не умеет почувствовать разницу. И для него икона делается талисманом, именно кумиром, а не образом.

Так вот, православное понимание иконы именно таково, что это есть образ, возводящий к первообразу. Православное понимание священства в том состоит, что священник — это есть образ. И во время литургии является нам образ Христа, Христа-священника.

Надо сказать, что католическое заблуждение здесь отчасти объясняется и смягчается тем, что у них нет литургии Василия Великого и Иоанна Златоустого. Они совершают мессу, которая имеет совершенно иной текст. Текст мессы очень древний, он не имеет строгого авторства, восходит он к первым векам. Автор мессы неизвестен. Но несмотря на свою древность, текст мессы не имеет тех достоинств, которые имеет литургия Василия Великого и Иоанна Златоустого. В ней нет такого четкого и ясного богословия, не выражена так ясно и так стройно, с такой удивительной духовной красотой, строгостью и последовательностью мысль. Молитва, которая содержится в мессе, тоже, конечно, очень умильная, трогательная, но она не имеет такой ясной четкости. А такая нечеткость, может быть, легче допускает неправильное толкование. И можно в этом смысле несколько смягчить наше негодование на католиков, потому что они исходят из того, что у них есть, а у них есть текст мессы, а не нашей православной литургии.

После того как священник сказал эти два возгласа — "Приимите, ядите..." и "Пийте от нея вси..." — он читает молитву в алтаре, опять про себя:

"Поминающе убо спасительную сию заповедь и вся, яже о нас бывшая: Крест, Гроб, тридневное Воскресение, на Небеса восхождение, одесную седение, Второе и славное паки пришествие".

И дальше возглашает громко: "Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся". Опять деепричастный оборот. То есть, помяная Твою спасительную заповедь и все, что Ты совершил для нас: и Крест, и Гроб, и тридневное Воскресение, и восхождение на Небо, и седение одесную Отцы, и Второе и славное паки пришествие — все это вспомяная, мы, Твоя от Твоих Тебе приносящие о всех и за вся, "Тебе поем, Тебе благословим, Тебе благодарим, Господи, и молим Ти ся, Боже наш". Это целая фраза, а вслух произносится только деепричастный оборот между двумя запятыми.

Но во время этого голоса, который уже стал нам всем привычен, и мы уже не рассуждаем о том, что это деепричастный оборот, а слышим: "Твоя от Твоих Тебе приносяще..." — слышим и воспринимаем это должным образом. Во время этого священник или дьякон берет руками, сложенными крест-накрест, дискос и Чашу и возносит над престолом. И вот это и есть возношение — анафора. Именно со словами

"Твоя от Твоих Тебе приносяще" он поднимает и возносит к Богу эти Дары. Это есть возношение. А хор поет в это время: "Тебе поем, Тебе благословим, Тебе благодарим, Господи, и молим Ти ся, Боже наш". Это и есть кульминация евхаристического канона. В это время многие в храме встают на колени, и хорошо делают. Хор поет обычно медленно и довольно протяжно, долго, потому что во время этих слов — "Тебе поем..." — священник в алтаре произносит много молитв и происходят все главные действия анафоры. Священник говорит: "Еще при

— 10 носим Ти словесную сию и безкровную службу, и просим, и молим, и мили ся деем (т.е. умиляемся), низпосли Духа Твоего Святаго на ны и на предлежащие Дары сия". То есть, и просим, и молим, и умоляем Тебя: низпосли Духа Твоего Святаго на ны и на предлежащие Дары сия.

К кому относятся эти слова, кого мы умоляем? "Приносим Ти словесную сию... службу" — Тебе приносим. Кому — Тебе? Богу, конечно, Богу Отцу. Вся анафора обращена к первому лицу Святой Троицы — к Богу Отцу.

Но вот эта особенная молитва, она называется по-гречески эпиклезис, в просторечии эпиклеза, что значит "призывание". Это молитва призывания Святаго Духа на Святые Дары. После этой молитвы следует: "Еще приносим Ти словесную сию и безкровную службу, и просим, и молим, и мили ся деем, низпосли Духа Твоего Святаго на ны и на предлежащие Дары сия". И дальше: "И сотвори убо Хлеб сей Честное Тело Христа Твоего".

Говоря последние слова, священник благословляет Святой Хлеб крестом. Дьякон отвечает: "Аминь". И говорит: "Благослови, владыко, Святую Чашу". А священник говорит: "А еже в Чаши сей, Честную Кровь Христа Твоего". И благословляет крестом же — рукой совершая крест — Святую Чашу. Дьякон: "Аминь. Благослови, владыко, обоя" (то есть, и то, и другое). И священник благословляет одновременно, одним большим крестным знаменем и диском, и Чашу со словами: "Преложив Духом Твоим Святым". Дьякон отвечает: "Аминь, аминь, аминь". И оба они и все находящиеся в алтаре, а те, кто знает, и в храме делают земной поклон. Это и есть кульминация анафоры. После этого момента перед нами Тело и Кровь Христовы. То есть, хлеб и вино прелагаются в Тело и Кровь Христовы. Как видим, священник здесь благословляет Святые Дары.

И здесь тоже возникает очень много разных трудных проблем, связанных опять-таки с католическим учением о литургии и вообще и таинствах.

Как мы уже говорили, католики считают, что для совершения таинства необходимо правильное произнесение сакраментальной, или тайносовершительной, формулы. И наше русское богословие до сих пор еще до конца не отрешилось от этого католического учения, хотя именно в этом веке благодаря усилиям русских богословов в эмиграции началось освобождение от этого учения. Сейчас уже не все так говорят, но до сих пор еще многие не свободны от этого вполне.

До недавнего времени так думали все богословы русские и священники были воспитаны в том, что есть тайносовершительная формула. Встает вопрос: какая же это формула? Где эта формула? Католики совершенно точно говорят: тайносовершительной формулой являются слова Господни: "Приимите, ядите, сие есть Тело Мое, еже за Вы ломимое во оставление грехов. Пийти от нея вси, сия есть Кровь Моя Новаго Завета, яже за вы и за многи изливаемая во оставление грехов". Слова евангельские, слова Христа они и являются тайноразрешительной формулой.

Когда священник произносит эти слова, он благословляет Святые Дары, и в этот момент происходит, как они говорят, пресуществление Святых Даров. Пресуществление, то есть меняется их сущность. У них есть учение о субстанции и Была сущность хлеба и вина, а стала сущность Тела и Крови Христовых, произошло пресуществление.

Но на Востоке у святых отцов мы не находим такого термина и такого грубого понимания таинства. Ища правильный термин, русское богословие нашло другое слово — преложение Святых Даров. Сказать, что хлеб и вино превращаются будет неправильно и грубо, это не улавливает и даже искажает смысл того, что происходит. Превращение — это не то, что происходит здесь. Пресуществление — тоже не так, нельзя сказать, что сущность хлеба и вина здесь превратились в сущность Тела и Крови Христовых, это будет грубо, философски недостаточно, это не улавливает смысла таинства. И вот термин "преложение" оказывается здесь более подходящим. Что значит "преложение"? Это значит, что здесь происходит некая тайна, которая лучше всего этим словом славянским обозначается. Прелагаются хлеб и вино в Тело и Кровь Христовы.

Может быть, это объяснение покажется вам недостаточным, неубедительным, но так и должно быть, ведь здесь мы говорим о тайне, которая не может быть открыта человеческому разуму. И мудрость, и красота православного богословия именно в том состоит, что оно умеет эту тайну почувствовать и не дерзает объяснять ее до конца. Потому что она необъяснима. А католическое богословие хочет обязательно все разложить по полочкам, все назвать своими человеческими именами, которые здесь не подходят, не действует этот подход. Нельзя все подвергнуть такому анализу и не нужно. Это не целомудренно, это дерзновенно. Здесь нужно именно дать обозначение тайны, и слово "преложение"

употребляется в этом смысле. Обозначение тайны, которую мы не дерзаем объяснять в каких-то философских категориях, потому что все это будет неточно, неподходяще, по-человечески.

Вернемся тем не менее к учению о таиносовершительной формуле.

Католики говорят, что эти слова и есть таиносовершительная формула. Но говорят они это потому, что в тексте мессы просто нет последующих молитв. Там нет эпиклезы, нет призывания Святаго Духа. Нет и молитвы, которая называется анамнезис, которая читается после слов "Пийти от нея вси..." — "Поминающе убо спасительную сию заповедь...". Эта молитва называется "Воспоминание". Помните, как Господь говорил: "Сие творите в Мое воспоминание". Анамнезис и есть воспоминание. Эпиклезы у них просто нет.

Православные богословы (еще преподаватели Киево-Могилянской академии) не могли это принять, потому что в тексте литургии Иоанна Златоустого и Василия Великого следует дальше эпиклеза, призывание Святаго Духа, в которой говорится: "Еще приносим Ти словесную сию и безкровную службу, и просим, и молим, и мили ся деем, низпосли Духа Твоего Святаго на ны и на предлежащие Дары сия". Какой же смысл просить придти Духа Святого на предлежащие Дары сия, если они уже освящены? Эпиклеза, призывание уже не нужно, если тайна уже совершилась. Поэтому нужно было дать отпор католическому учению: нет, не там находится таиносовершительная формула, а совсем в другом месте. Где? Нашей таиносовершительной формулой являются слова: "Преложив Духом Твоим Святым". Этот короткий деепричастный оборот — это и есть таиносовершительная формула, после этих слов на престоле находятся Тело и Кровь Христовы, а до этих слов это были хлеб и вино.

Такое юридическое объяснение в духе католицизма, конечно, претит православному восприятию литургии. Потому что католики в каком-то смысле более правы, когда говорят, что таиносовершительной формулой являются слова Христа, эти удивительные, красивые слова, которые возглашаются на весь храм. А у православных этой формулой оказался деепричастный оборот, который священник в алтаре тайно произносит: "Преложив Духом Твоим Святым".

И вот разгорается спор. Католики доказывают свою правоту, православные сопротивляются и чувствуют недостаточность своих аргументов, их слабость. А нужно все-таки католикам воспротивиться, отстоять свою литургию. И вот уже в глубокой древности, много столетий назад, неизвестно где и как, еще в рукописной традиции появилась так называемая интерполяция, т.е. вставка. Вставка тропаря третьего часа. После молитвы-эпиклезы вставляется тропарь: "Господи, Иже Пресвятаго Твоего Духа в третий час Апостолом Твоим низпославый, Того, Благий, не отыми от нас, но обнови нас, молящих Ти ся".

В течение многих последних веков православные священники и епископы на этом месте читают трижды тропарь третьего часа, который, по существу, является тем же призыванием Святаго Духа, т.е. усилением эпиклезы. Для того чтобы ее отстоять, удержать православную литургию, сказать, что вот здесь у нас будет таиносовершительная формула находиться, — ради этого тропарь этот был кем-то вставлен, а потом прижился, понравился кому-то, его стали чаще употреблять. Постепенно он вошел из одной рукописи в другую, а когда появилось книгопечатание, то он уже повсюду остался.

Эта интерполяция на самом деле есть явление довольно печальное, хотя она и вошла в обиход, в традицию очень прочно. И сейчас ни один священник, ни один епископ не дерзает эту молитву опускать, хотя в новом издании "Служебника" эта молитва поставлена, наконец, в скобки. Раньше этих скобок не было.

Почему появились скобки? Дело в том, что уже довольно давно греки обнаружили, что в древности этих молитв не было, что это позднейшая вставка, которая искажает древний текст анафоры, и убрали молитву третьего часа. Греки ее не читают, и не только греки — в восточных церквях не произносят молитву третьего часа. И правильно делают.

Во-первых, в литургии ее не было в древности. Во-вторых, есть еще более веское основание ее не читать. Вся анафора, как я уже говорил, есть обращение к Богу-Отцу. Вся анафора непрерывна, и эпиклеза непрерывно произносится вместе со словами: "И сотвори убо Хлеб сей Честное Тело Христа Твоего". "И сотвори" — это опять-таки обращение к кому? К Богу Отцу. "...низпосли Духа Твоего Святаго на ны..." — к Богу Отцу и "Сотвори убо Хлеб сей..." — к Богу Отцу. Это непрерывная молитва. А в середине ее вставлена молитва третьего часа, которая обращена к Богу Сыну, ко Второму Лицу Святой Троицы. Здесь происходит даже весьма сильное нарушение грамматическое. Молитва разрывается, искусственно разрывается. И вполне понятно, что греки, обнаружив такую ошибку, упразднили ее, не боясь католиков. На Руси же у нас все всегда застревает, и мы до сих пор не можем от этой ошибки освободиться. У нас очень страшно вообще что-либо исправить, какую-то ошибку. После Никоновских исправлений, которые привели к расколу, мы теперь ничего никогда не исправляем. Это очень опасно: какой-нибудь раскол возникнет, объявят тебя Антихристом, и пойдет...

Так вот, все-таки, хотя я исправлять вас ничего не призываю, все-таки хочу объяснить, чтобы вы знали, как должно быть.

Насколько это трагично для нас? Это не трагично, конечно. Потому что священник все понимает, все знает. В конце концов ему можно объяснить, и тогда он все будет знать. Конечно, молитва третьего часа не мешает литургии, все равно все понятно, как и о чем идет речь. Но нарушается некая стройность, цельность, красота древней анафоры. Особенно грустно это бывает тогда, когда русские вздумают служить вместе с греками. Вот тогда получается случай очень нехороший. Потому что греки очень быстро прочитали и освятили свои Дары. А русские начинают читать молитву третьего часа, а Дары уже освящены. И тут получается несоответствие.

Это все, конечно, не смертельно. Я думаю, что если мы с вами будем все это изучать, будем в это вникать, то постепенно и у нас в русском "Служебнике" тоже все будет исправлено. И чем скорее, тем лучше. Но торопить эти исправления слишком сильно мы не можем и не можем на себя брать такую смелость. Эти исправления должны вноситься не каким-либо священником отдельным, а должны вноситься полнотой русской церкви, т.е. по согласию соборному. Скажем, на соборе русских архиереев нужно принять решение: давайте покажем здесь сноску, что эту молитву произносить не обязательно. Если уж привык батюшка, то пусть произносит, а если не хочет, то пусть не произносит. И тогда через некоторое время она уйдет.

Литургию это не меняет и не портит, поэтому тревоги тут не должно быть большой. Но нужно понимать, откуда и что происходит. А происходит из борьбы католического понимания сакраментальной формулы и православного понимания. А на самом-то деле никакой борьбы было не нужно, она сама по себе надумана, потому что нужно было просто сказать: нет у нас никакой тайносовершительной формулы, не было, не будет и не нужна она. У вас она есть, а у нас ее нет. Она нам просто не нужна. У нас есть текст анафоры древней Василия Великого и Иоанна Златоустого, а тайносовершительной формулы у нас нет. У нас анафора — вся целиком совершительная.

И вот сказать такие слова мы можем только теперь, в XX веке, когда мы, наконец, отделались от плена католического и научились говорить и понимать, что таинство не нуждается в таком юридическом оформлении, таинство есть тайна. Вот если тайные молитвы — это не тайна и не секрет, то таинство — это тайна. В таинстве совершается чудо, и бесполезно и безнадежно будет говорить о том, в какой момент, какими словами юридически это можно совершить.

Это совершается верой и любовью церкви! Таинство совершается Богом. Наша задача — с любовью и с верой совершить тот чин, который освятила наша церковь. И весь этот чин нужен. Но если даже какое-то одно слово по ошибке, случайно заменится на другое, беды не произойдет. Скажем, "аминь, аминь, аминь". А если вдруг не успел случайно, забыл, не произнес священник? По-католически уже все — не произнеслась формула, значит, литургия не совершилась. А в православном понимании это все не имеет такого значения. Дело не в формулах, а в том, каким сердцем, с какой верой, с какой любовью к Истине, с какой молитвой к Богу мы совершаем эту службу. Но в службе есть главная часть — кульминация. Вот анафора вся и является кульминацией. И действительно, произнося анафору, мы знаем, что вот здесь теперь у нас — Тело и Кровь Христовы. И после того, как мы делаем земной поклон, дьякон говорит: "Помяни мя, святой владыко, грешного", а священник благословляет его: "Да помянет тя Господь Бог во Царствии Своем, всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь".

Дальше читаются молитвы: "Яко же (чтобы) быти причащающимся, во трезвение души, во оставление грехов; в приобщение Святаго Твоего Духа, во исполнение Царствия Небеснаго, в дерзновение еже к Тебе, не в суд или во осуждение".

После "Еще приносим Ти словесную сию службу о иже в вере почивших праотцев, отцев, патриарсех, пророцех, апостолех, проповедницех, евангелистех, мученицех, исповедницех, воздержницех и о всяком душе праведнем, в вере скончавшемся" священник громко возглашает продолжение фразы через запятую: "Изрядно о Пресвятей, Пречистой, Преблагословенней, Славней Владычице нашей Богородице и Приснодеве Марии" (т.е. особенно же). В это время он берет кадило, делает кадилом крест и кадит Святые Дары. А хор поет "Достойно есть...".

На экзамене у вас будет вопрос в билетах: изменяемые части литургии. Вы должны будете знать, какие молитвы изменяются на разные праздники. Заранее скажу вам: меняются антифоны, тропари, евангельские и апостольские чтения. И обычно на этом студенты замолкают. Вот имейте в виду, что внутри анафоры меняется задостойник. Обычно поется "Достойно есть...", а в праздники поется задостойник праздника на этом месте.

Священник продолжает: "О святем Иоанне Пророце..., о святых славных и всехвальных Апостолех...", о святых, память которых мы ныне совершаем, и "о всех святых Твоих, ихже молитвами посети нас, Боже. И помяни всех усопших...". И вот здесь священник должен помянуть всех усопших, а потом живых.

Именно здесь поминаются усопшие. Мы с вами говорили о поминовении на литургии уже несколько раз. Мы говорили о поминовении на проскомидии, на ектении сугубой и заупокойной. Обычно христиане знают только эти два места поминовения. Но для того чтобы особо дорогую записку взять, в

этом веке придумали еще поминовение за упокой, на вечную память. Тоже совершили интерполяцию, и она уже выводится из употребления, но не везде. В некоторых храмах в конце тропарей поют "Со святыми упокой..." и возглашают "Вечную память...". И за это требуют дополнительную стоимость записки. Это неуставное поминовение.

Но вот поминовение, которое здесь должно быть, во время анафоры, после слов "И помяни всех усопших о надежде воскресения Жизни вечныя..." — это поминовение неотменяемое, оно является самым главным. Именно здесь, после того, как на престоле возлежат Святой Тайны, Тело и Кровь Христовы, после того, как кульминация анафоры уже прошла, теперь священник должен помолиться за умерших и живых, за тех, кто особенно требует этой молитвы. И здесь можно помолиться поименно, это самая горячая, самая сильная молитва — в это время.

После того, как помянули святых, Божию Матерь и снова святых поименно, мы поминаем усопших, а потом живых. Эта молитва, где поминаются святые, а потом умершие и живые, называется ходатайством. Это последняя часть анафоры. Это ходатайство неотменимо, оно обязательно нужно. И нужно, чтобы священник здесь усердно молился, эта молитва имеет особенную силу. И если священник будет усердно молиться, по молитве его будут совершаться чудеса. И помянув усопших, он говорит: "И упокой их, идеже присещает свет лица Твоего". А потом продолжает: "Еще молим Тя, помяни, Господи, всякое епископство православных, право правящих слово Твоя истины, всякое епископство, во Христе диаконство и всякий священнический чин.

Еще приносим Ти словесную сию службу о вселенной, о Святей, Соборней и Апостольстей Церкви, о иже в чистоте и честнем жительстве пребывающих; о Богохранимем стране нашей". И здесь вполне уместно помянуть не только власти и воинство, но и все самое главное, что нам нужно. Можно сказать: "О страждущей стране нашей", можно сказать: "Помяни, Господи, людей, которые нужны нашему народу, нашей стране и нашей церкви" — обо всем можно просить Господа в этот момент. И кончается это ходатайство так: "Даждь им, Господи, мирное правление, да и мы в тишине их тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте".

Может быть, некоторые из вас знают, что в конце 20-х годов, после смерти Патриарха Тихона, был раскол. Одним из поводов к этому расколу была молитва о властях, потому что наиболее ревностные епископы, священники и миряне не хотели молиться за властей советских, за власть, которая гонит церковь, которая преследует ее. А было постановление еще Патриарха Тихона, а потом митрополита Сергия поминать власть на ектениях и в молитвах. И вот такое поминовение властей Патриарху Тихону простили, потому что чтили его как святого, а митрополита Сергия не простили. И многие ушли в раскол из-за этого. Говорили, что это есть измена — молиться во время литургии за гонителей церкви, за богохульников и богоборцев, это недозволенный компромисс, уступка, которая совершается в целях выгоды и сохранности своей жизни.

Так вот, в ответ на это очень важно услышать, как молится церковь за властей:

"Даждь им, Господи, мирное правление, да и мы в тишине их тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте". Мы поминаем власти не так, как поминаем православных христиан, но молимся за них так, как повелел нам молиться апостол. Вы помните, в послании ап. Павла есть слова, повелевающие молиться о властях. Вот мы так и молимся о них. И ничего здесь плохого нет. Так можно молиться за любого Ирода и Нерона, за кого хотите. Мы молимся, чтобы Господь дал им мирное правление, чтобы мы могли при их правлении тихое и безмолвное житие жить.

После этого возглашается громко: "В первых помяни, Господи, Великаго Господина и Отца нашего Алексия, Святейшаго Патриарха Московскаго и всея Руси, егоже даруй святей Твоей Церкви в мире, целых, честных, здравых, долгоденствующих, право правящих слово Твоя истины". И хор отвечает: "И всех и вся", а священник продолжает: "Помяни, Господи, град сей..."

Завершается это возгласом: "И даждь нам единими усты и едином сердцем славить и воспевать Пречестное и Великолепное Имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков".

После этого возгласа в "Служебнике" написано: "Священник ... ко дверем, благословляя, глаголет". А до этого еще написано киноварью: "И поминает по именам иже хочет живых". То есть, здесь священник поминает и живых, которые нуждаются в его молитве: больных, тех, кто особенно нуждается в ходатайстве. Это поминовение завершает анафору.

10.11.93.